

Бывая тут зимой, ты поражаешься, как на морозе дышит и горячо парит никогда не замерзающий залив. Летом же здесь обычно моросит мелкий нудный дождь, но иной раз так пахнет ледяным холодом, так посыплет густой снежной порошей, что продрогнув до костей, убеждаешься: до Северного полюса отсюда рукой подать. Кругом суровые и неприятные сопки, лишь кое-где покрытые пятнами лишайников. Бодрящий запах йода и соли заставляет дышать тебя полной грудью. Во время отливов обнажается дно — галька, валуны, водоросли и множество застигнутых врасплох крабиков, убегающих к воде. Я люблю в это время неспешно идти по береговой отмели. В каждой ямке с оставшейся водой идет бурная жизнь. Вот мечется малек, с ним рядом миниатюрная креветка, отчаянно изгибается, испуганно шарахается от малька, но тот растерян и равнодушен к добыче. Под валуном затаился бурый морской еж, он оцетинился своими иглами и не поймет, бедолага, куда подевалась вода. В водорослях, наполовину скрывшись, замерла розовая звезда, и тоже ждет прилива.

Под ногами сочно хрустят космы ламинарий. Это морская капуста. Я собираю иногда эти водоросли, добавляю лук и получившийся салат заправаю маслом. Непередаваемый вкус у этого салата, с резкой йодистой свежестью, он ни в какое сравнение не идет с мертвой консервацией.

Правда, тщательно промыть слоевище водорослей мне удастся не всегда: изредка на зубах противно поскрипывают песчинки. Еще на банке встречаются россыпи мидий. Они стоят того, чтобы их собрать. Но вот море словно бы толчками, незаметно для глаза неумолимо прибывает, с приливной поло-

сы пора уходить. На высоком берегу из плавника я разжигаю небольшой костер, отыскиваю лист железа и на него раскладываю мидии. Нагревшись, зашипев, створки раковин раскрываются, и ты лакомишься нежным мясом этих моллюсков.

Над портом высится громада буровой платформы, кажется, что она даже выше мурманских сопок, обступивших залив. Атомный ледокол скоро ее проведет в Карское море. Вокруг платформы снуют портовые буксиры. Хоть какое-то оживление. Замерли голенастые докерные краны. Пусто у причалов. Только в углу, у полуразрушенного причала сиротливо сбились в кучу ржавые старые сейнеры. Кладбище кораблей, кладбище нашего тюлькинго флота. Никогда они уже не отшвартуются, никогда не выйдут в море на пугину.

Визгливо кричат чайки. Зачем им ловить рыбу?! Они деловито копошатся в мусорных контейнерах, злобно отгоняя ворон и голубей. Обленились не только люди, птицы — тоже.

В седловинах за сопками начинается тайга. На каменистой почве разноцветные лишайники, мхи и стройные, высотой всего лишь в два человеческих роста унылые елочки. В Средней России в еловом лесу всегда сумрачно, темно, седыми космами свисает лишайник-бородач. Здесь же еловая тайга светлая, стволы тонкие, корни елок, словно старческие вены, натужно впиваются в камень. Среди мхов — стелющиеся кустарники, рясно усыпанные клюквой, брусникой и морошкой. Все ягоды сочные и крупные. А еще высятся над мхом большие грибы. Без преувеличений иной гриб запросто может заполнить собой всю корзину. Здесь целая кладовая природы, только собирай. Вот только собирать грибы и ягоды некому. Многие посёлки брошены. Грустно смотреть на разрушенные дома, сорванные крыши, выбитые окна.

В одном из таких поселков, на берегу большого озера, в которое впадает много бурных ручьев, живет мой знакомый Пётр Фёдорович. Живёт в доме на три семьи. Дом немного осел, жалобно наклонился, но ещё крепкий.

— Обновить нет ни сил, ни средств, да и на мой век хватит, — говорит он.

Пётр Фёдорович — умница, добродушный рассказчик и браконьер. Сетями ловит сигов и форель, а во время нереста — сёмгу. Во всём посёлке он единственный житель. На окраине посёлка, за завалившимся ограждением — карьер,

уже поросший ёлками. Когда-то здесь добывали апатит. Разрушенные строения разработки, ржавые, навечно застывшие бульдозеры глядят поверх низеньких ёлок сиротливо и угрюмо. В посёлке многие дома тоже разрушились. И только в центре, на небольшой площади вкопан новый столб, а на нем под полусферой чудо двадцатого века — телефон-автомат. Пётр Фёдорович, ещё очень бодрый старик, из этого посёлка родом. В годы войны он в Баренцевом море на фанерном сейнерке, ставшим эсминцем, охотился за немецкими подлодками, после войны на этом же сейнерке, но уже на тюлькинском флоте, ловил мойву.

Мы сидим на берегу озера, варим уху из сига. Невдалеке, словно сказочные сахарные великаны, высятся снежные вершины Хибин.

— Все уезжают, почему вы остались? — спрашиваю я старика.

— А куда?! Зачем?! На Кубани у друзей прожил три месяца и понял: не смогу я там жить. Слишком много солнца и все чужое. А любовь у меня как у рыбы, у нашей семги, — с улыбкой говорит он.

Любовь эта загадочна и величественна. В бурной порожистой речке из нежной икринки рождается малек. Окрепнув, семушек скатывается в соленое море-океан. Подрастая, семги бродят где-то в таинственных безднах океана, вряд ли вспоминая о своей родине. Но вот какая-то странная необъяснимая сила заставляет их сбиваться в могучие косяки и ведет, ведет. Но куда?! Просто непостижимо, как абсолютно точно и неизменно семга находит ту речку, зачастую просто ручей, которые были его родиной. Рыбная масса вползает в устье реки, рыб так много, что эта масса против течения двигает водяной вал. Семги уже готовы к нересту, внешне рыбины стали уродливы — злобно заострились морды. Семгам уже давно тесно в толчее своих сородичей. Стоит безудержный плеск. Немало рыбин, выдавленные могучей силой на берег, издыхают, но в последний миг жизни они все же мечут икру — в лужи, в мох, щедро бесплодно обрызгивая все вокруг. Ну а основная масса семги стремится вверх по течению, ее не останавливают шиверы и скалистые пороги, не устрашают даже бурные водопады. Совершая прыжки, цепляясь плавниками за каждый выступ, зачастую разбиваясь о камни, семга на-

стойчиво идет все выше и выше по течению. И нет сейчас такой силы, которая может помешать этому движению. Пока жабры покрыты водой, рыбы упрямо стремятся туда, где нерестились их предки. Но вот изможденные, полумертвые сёмги разгребают песок и гальку, и в ямки гнезд мечут икру с молоками. Исполнив свой родительский долг, она умирает. Так было. А вот так есть.

Ведь сёмга, наверное, не предполагает, что есть такое хитрое и коварное существо — человек. Рыба, вот она валит по реке дуром, но попробуй набери её много по диким берегам рек, где непролазное бездорожье. А поэтому лучше поставить сети, перегородив устья рек. Всего лишь и надо время от времени опорожнять мотни сетей. И исчезает дикая сёмга.

На попутной машине мы едем к открытому морю на Восточный Мурман. Дорога, намеченная грейдером, петляет по тундре. Невысокие тундровые сопки похожи на волны, и совсем кажется море, но только ветер напрасно свистит — волны не катятся. Я рисовал в своем воображении бесчисленные стада северных оленей и лопарей, оленных людей, перегоняющих их по бескрайней тундре. С непонятным щемящим волнением нахлынули вдруг воспоминания из раннего детства, ибо я сейчас находился в сказочной Лапландии. Остановившись, поднимаюсь на самую высокую сопку. И кажется, что вот-вот я увижу Кая и Герду, злую Снежную Королеву, появятся вежи лопарей и неисчислимые стада олешек. Но пусто и уныло кругом.

От моря тундру отделяет широкая полоса песчаного берега. Вдали хмурое низкое небо смыкается со Студеным морем. Чувство одиночества и законченности не обманывает тебя: это действительно край земли. На самом берегу сиротливо раскинулся поселок. Это — некогда очень крупный рыболовецкий совхоз. Теперь здесь тоже много брошенных и полуразрушенных домов. Но тут рай для рыбаков, приезжающих из разных уголков России.

Море штормит. Множество моторных лодок и небольших катеров вытащены на песчаный берег, куда не достают грязно-серые волны. Они настойчиво ряд за рядом с грозным шипением накатывают на песок. На берегу, издавая смрадный запах, гниют огромные тресковые головы и требуха, разумеет-

ся, без ценной печени. Вальяжно шествуют чайки и бакланы, лениво поклевывая эти головы. Уже пресытились.

Широкая бухта с двух сторон ограждена скалистыми мысами. Мне грустно, и грезится, как вдруг из-за того мыса выплывет хищный драккар викингов или же покажутся кочии новгородцев либо поморов, плывущих за моржовыми клыками на Грумант. Но нет, пустынно Студёное море. Очевидно, не нужен никому этот суровый, но богатый край.